

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВОВЫХ НОРМ И ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ НА УГОЛОВНО-ПРАВОВУЮ ПОЛИТИКУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2018 г. А. Н. Савенков

Институт государства и права Российской академии наук, Москва

E-mail: director@igpran.ru

Поступила в редакцию 06.08.2018 г.

В статье исследуются вопросы формирования уголовной политики Российского государства в контексте развития международных правовых основ борьбы с преступностью во второй половине XIX — начале XX в. Дан правовой анализ процесса имплементации в российское законодательство норм международных конвенций и международно-правовых институтов в области защиты прав и основных свобод граждан. Отмечается, что, несмотря на широкую интеграцию правовой системы Российской Федерации с различными международными институтами, важным принципом уголовно-правовой политики России остаются ее суверенитет и верховенство Конституции РФ, суть которого заключается в неприемлемости исполнения правовых решений, не соответствующих конституционным основам государства.

Ключевые слова: уголовная политика, противодействие преступности, международное сотрудничество, имплементация, международные конвенции, правоохранительная деятельность, конституционные принципы.

DOI: 10.31857/S013207690000909-1

Изменения, происходящие в российском обществе и государстве, требуют объединения экономических, политических, научных, организационных, правовых и межгосударственных усилий, развития институтов гражданского общества для осуществления мер по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью.

Российская Федерация стимулирует механизм государственно-правовой модернизации, включая существенное обновление уголовно-правовой политики, позволяющее стать ей более системной, научно-обоснованной и отвечающей требованиям текущего момента. Проводимая государством политическая линия в противодействии преступности должна выстраиваться с учетом научных рекомендаций, опираться на теоретические разработки ученых, сохранять историческое и логическое единство.

Уголовно-правовая политика — это целенаправленная и научно обоснованная деятельность государства по борьбе с преступностью, профилактике и устранению причин, ее порождающих, основанная на исполнении Конституции и законов Российской Федерации, отвечающая уровню социально-экономического развития страны, правового сознания граждан, состоянию преступности и законности, международно-правового сотрудничества и поддерживаемая политическими и социально-экономическими мерами, а также гражданским обществом¹.

Выдающийся советский и российский ученый-правовед, академик АН СССР и РАН В.Н. Кудрявцев в одной из своих известных работ

¹ См.: Савенков А.Н. К вопросу о концепции уголовной политики // Право и образование. 2016. № 12. С. 60–69; Его же. Вопросы уголовной политики государства // Пробелы в рос. законодательстве. 2017. № 1. С. 163–171.

рассматривал преступность как неотъемлемую часть общественной жизни, форму поведения людей, “которые не могут по тем или иным причинам использовать законные средства для своего существования или же, не считаясь с нормами права и морали, находят преступную жизнедеятельность несравненно более выгодной, чем иное занятие”, и определил как “одно из новейших направлений криминологии и практики борьбы с преступностью: объединение правоохранительных органов различных стран в единую международную систему”².

Его соратник и единомышленник, российский криминолог, проф. В.В. Лунеев, характеризуя сегодняшние мировые криминологические и социально-правовые реалии, пришел к выводу, что “ныне сложилось новое, своеобразно противоречивое взаимодействие цивилизаций, которое развивается на фоне ускоряющихся процессов политической, экономической, правовой, а также криминальной интеграции и глобализации”.

“Трансформация национальной преступности в транснациональные международные формы” в этих условиях “является неотъемлемой частью глобализации. И эта реальность ставит перед науками криминального цикла новые сложные задачи.

Необходимо осознать, как будет развиваться в обозримом будущем исторически древний процесс — криминализация человеческих отношений и борьба с преступностью в условиях прогрессирующей современной глобализации мира, или как в ближайшем будущем будет протекать сам процесс глобализации в условиях интенсивно растущей преступности при различных уровнях и формах ее уголовно-правового контроля”³.

Принимая и оценивая значение и масштаб поставленной задачи, рассмотрим возможности влияния международных правовых норм и правовых институтов на уголовно-правовую политику Российской Федерации.

Представляется важным акцентировать внимание на том, что в определении глобали-

зации как значительного явления социальной жизни, существенно наращающего “плотность коммуникаций между странами и регионами” и углубляющего “их взаимосвязанность и взаимозависимость”⁴, стимулирующего “существенное увеличение международных контактов..., международных организаций, договоров и соглашений, транснациональных корпораций”⁵, но вносящего “в нашу жизнь колоссальную неустойчивость”, “экономический и политический космополитизм” вплоть до отрицания национального суверенитета, мнения авторитетных российских и западных ученых-правоведов достаточно близки по степени цитируемости и доброжелательных оценок.

Когда же речь заходит об имплементации норм международного права, то до недавнего времени доминирующей позицией отечественных юристов была догматическая трактовка нормы ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, полагающая не иначе как преобладание международных договоров над национальным законодательством.

Развенчанию этого правового стереотипа способствовало аргументированное разъяснение Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, данное им в своих фундаментальных работах “Цивилизация права и развитие России” (с. 264) и “Право против хаоса” (с. 59): “Я считаю, что участие России в различных международных конвенциях и соглашениях глобального и регионального уровня никак не означает делегирования на этот уровень той или иной части государственного суверенитета России.

Подчеркну, что положение о приоритете национального права четко закреплено в российской Конституции... В силу верховенства Конституции международные правоустановления должны интерпретироваться как конкретизация положений Конституции. Но они не могут быть применены, если выходят за пределы заложенного в Конституцию правового смысла”.

² Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. 2-е изд., исп. и доп. М., 2005. С. 34, 45.

³ Лунеев В.В. Эпоха глобализации и преступность. М., 2015. С. 7, 8, 21.

⁴ Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. 2-е изд., исп. и доп. М., 2016. С. 253–256; *Его же*. Право против хаоса. 2-е изд., исп. и доп. М., 2018. С. 48–51.

⁵ Хантингтон С. Кто мы? / пер. с англ. К. Королева. М., 2018. С. 351–359.

Такой подход разделяет известный юрист-конституционалист А.А. Клишас⁶.

В мировом юридическом сообществе решения-прецеденты наднациональных судебных органов в отношении конституционной интерпретации международных правовых норм уже известны не первый десяток лет и широко обсуждаются, активно влияя на этот сегмент реализации национального суверенитета во внешней политике государств⁷.

Российская Федерация, будучи правопреемником СССР, является участником всех основных конвенций и международных соглашений по вопросам противодействия преступности. В этой связи современная уголовно-правовая политика Российского государства формируется с учетом международных обязательств, принятых как Советским Союзом, так и Российской Федерацией. При этом следует отметить, что наше государство всегда выступало в роли активного субъекта международно-правовых отношений, многократно иницируя принятие важных правовых документов на межгосударственном уровне.

Большое влияние на уголовно-правовую политику Советского государства оказала его интеграция в международную правовую систему после вступления Советского Союза в Лигу Наций в 1934 г. Но особенно значительным фактором, безусловно, явилась главная роль СССР в создании Организации Объединенных Наций в 1945 г. и Международного военного трибунала над главными военными преступниками нацистской Германии. Нюрнбергский процесс — первый в истории человечества открытый и справедливый судебный процесс. По сути, является образцом торжества закона в межгосударственных отношениях, поскольку смог эффективно сочетать в себе две процессуальные системы права — континентальную и англосаксонскую, положил начало формированию международного уго-

ловного судоустройства и судопроизводства, а также полностью выполнил возложенные на него задачи, несмотря на начавшийся период “охлаждения” отношений между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции.

Правовыми основами формирования и деятельности Международного военного трибунала явились IV Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г., Женевская конвенция о содержании военнопленных от 27 июля 1929 г., решения и договоры Лиги Наций — предшественника ООН, московская Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства от 30 октября 1943 г., лондонское Соглашение между Правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси и Устав Международного военного трибунала от 8 августа 1945 г. Разработка Устава была осуществлена в соответствии с правами держав, перед которыми безоговорочно капитулировала Германия.

Трибунал был международным не только потому, что он был организован по соглашению четырех государств. Как предусматривало соглашение, Правительства СССР, США, Англии и Франции обязывались действовать в интересах всех Объединенных Наций и приглашали любое из правительств Объединенных Наций присоединиться к нему. В результате 19 правительств полностью одобрили принципы Устава и присоединились к соглашению. Таким образом, Международный военный трибунал был создан по воле 23 Объединенных Наций, сокрушивших фашистскую Германию, и в этом смысле это был “Суд народов”.

Международный военный трибунал (далее — Трибунал) признал агрессию тягчайшим преступлением международного характера. Впервые в истории руководители государства, виновные в подготовке, развязывании и ведении агрессивной войны, были наказаны как уголовные преступники; претворен в жизнь принцип “положение в качестве главы государства или руководящего чиновника прави-

⁶ См.: Клишас А.А. Суверенитет. От борьбы за право к борьбе за суверенитет. М., 2018. С. 120–130.

⁷ См.: The Clash of Civilizations? / by S.P. Huntington. Foreign Affairs Summer, 1993. URL: http://history.club.fatih.edu.tr/103_Huntington_Clash_of_Civilizations_full_text.htm; Rabkin J.A. Law Without Nations? Why Constitutional Government Requires Sovereign States. Princeton, 2005. P. 350; Groves S. Why Does Sovereignty Matter to America? URL: <http://www.heritage.org/american-founders/report/why-does-sovereignty-matter-america>

тельствующих ведомств, равно как и то, что они действовали по распоряжению правительства или выполняли преступный приказ, не является основанием к освобождению от ответственности". В приговоре отмечается: "Утверждалось, что международное право рассматривает лишь действия суверенных государств, не устанавливая наказания для отдельных лиц", что если неправомерное действие совершается государством, то "лица, которые практически осуществляли это, не несут личной ответственности, а стоят под защитой доктрины о суверенности государства". По мнению Трибунала, оба эти положения должны быть отвергнуты. Уже давно признано, что международное право налагает определенные обязанности на отдельных лиц так же, как и на государство.

Кроме того, Трибунал указал: "Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права... Принцип международного права, который при определенных обстоятельствах защищает представителя государства, не может быть применен к действиям, которые осуждаются как преступные согласно международному праву".

Принципы международного права, признанные Уставом Международного военного трибунала и нашедшие выражение в его приговоре, были подтверждены резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г. № 95 (1) "Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала". Его историческая роль заключалась в том, что впервые в истории международных отношений он положил конец безнаказанности агрессии и агрессоров в уголовно-правовом аспекте, создал основу современного международного права, в первую очередь такой его системы международных норм, которые являются обязательными не только для государств, но и для людей, которые ими управляют. Токийский процесс (Международный военный трибунал для Дальнего Востока), Международный трибунал по бывшей Югославии (*International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia*), Международный трибунал по Руанде

(*International Criminal Tribunal for Rwanda*) и Международный уголовный суд (*International Criminal Court*) — прямое продолжение Нюрнберга.

Решения международных судебных процессов стали юридической основой для принятия Всеобщей декларации прав человека, Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, Женевских конвенций о защите жертв войны и десятков других важнейших международных конвенций, в совокупности названных международным гуманитарным правом, правом международной безопасности, которые позволили существенно сократить, а по целому ряду направлений приостановить гонку вооружений, в частности, в ядерной области.

В последующие годы СССР принимал активное участие в подготовке конвенций ООН в сфере борьбы с различными видами преступлений, организации расследования, осуществления судопроизводства и назначения наказаний, оказания международно-правовой помощи. Подписание и ратификация таких международных соглашений носили последовательный характер и осуществлялись по мере их принятия в рамках ООН: 16 декабря 1949 г. СССР была подписана Конвенция ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г.⁸; 11 августа 1954 г. СССР присоединился к Конвенции ООН о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами от 2 декабря 1949 г.⁹; 7 марта 1966 г. подписал Международную конвенцию ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г.¹⁰; 6 января 1969 г. — Конвенцию ООН о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г.¹¹; 4 августа 1971 г. — Конвенцию ООН о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 16 декабря

⁸ См.: Ведомости ВС СССР. 1954. № 12. С. 244.

⁹ См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XVI. М., 1957. С. 280–290.

¹⁰ См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXVI. М., 1973. С. 109–118.

¹¹ См.: там же. С. 118–121.

1970 г.¹²; 27 декабря 1972 г. ратифицировал Конвенцию ООН о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации от 23 сентября 1971 г.¹³; 12 февраля 1974 г. подписал Международную конвенцию ООН о пресечении преступления апартеида и наказания за него от 30 ноября 1973 г.¹⁴; 7 июня 1974 г. — Конвенцию ООН о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, от 14 декабря 1973 г.¹⁵; 10 декабря 1985 г. — Конвенцию ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г.¹⁶; 7 мая 1987 г. присоединился к Международной конвенции ООН о борьбе с захватом заложников от 17 декабря 1979 г.¹⁷; 9 октября 1990 г. ратифицировал Конвенцию ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 г.¹⁸

Широко используются в отечественном правоприменении и судебной практике Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, утвержденный резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 43/173 от 9 декабря 1988 г.¹⁹ и “Основные принципы обращения с заключенными”, принятые резолюцией 45/111 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 г.²⁰

В дальнейшем Российская Федерация продолжила политику Советского государства по

интеграции международных нормативных правовых актов в сфере противодействия преступности в национальное законодательство: 12 января 1998 г. подписана Международная конвенция ООН о борьбе с бомбовым терроризмом от 15 декабря 1997 г.²¹; 7 мая 1999 г. — Конвенция ООН об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 г.²²; 3 апреля 2000 г. — Международная конвенция ООН о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г.²³; 9 декабря 2000 г. — Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.²⁴; 9 декабря 2003 г. — Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г.²⁵; 25 января 1999 г. — Конвенция ООН об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г.²⁶; 14 сентября 2005 г. — Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма от 13 апреля 2005 г.²⁷

Однако ряд международно-правовых норм длительное время оставались невостребованными советской правовой доктриной, что обуславливалось позицией руководства страны о нежелательности имплементации международных обязательств на национальный уровень, в том числе по политическим мотивам в силу классовой идеологии государства. В этой связи ратификация и вступление в силу отдельных положений конвенций ООН были значительно отдалены по времени от момента их подписания.

Например, лишь в 1989 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1989 г. № 10125-XI²⁸ были сняты оговорки СССР о непризнании обязательной юрисдикции Международного Суда ООН, сделанные по ст. IX Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г. при ратификации 18 марта 1954 г.; по ст. 22 Конвенции о борьбе с торговлей людьми и с

¹² См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXVII. М., 1974. С. 292–296.

¹³ См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXIX. М., 1975. С. 90–95.

¹⁴ См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXII. М., 1978. С. 58–63.

¹⁵ См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXIII. М., 1979. С. 90–94.

¹⁶ См.: Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIII. М., 1989. С. 115–125.

¹⁷ См.: там же. С. 99–105.

¹⁸ См.: Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. М., 1994. С. 133–157.

¹⁹ См.: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/detent.shtml

²⁰ См.: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prisoners_treatment.shtml

²¹ См.: Бюллетень международных договоров. 2001. № 11. С. 5–14.

²² См.: там же. 2003. № 3. С. 14–46.

²³ См.: там же. 2003. № 5.

²⁴ См.: там же. 2005. № 2. С. 3–33.

²⁵ См.: там же. 2006. № 10. С. 7–54.

²⁶ См.: там же. 2009. № 9. С. 15–29.

²⁷ См.: там же. 2008. № 12. С. 5–18.

²⁸ См.: Ведомости ВС СССР. 1989. № 11. С. 79.

эксплуатацией проституции третьими лицами 1949 г. при присоединении 31 июля 1954 г.; по ст. 22 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. при ратификации 22 января 1969 г.; по п. 1 ст. 30 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. при ратификации 21 января 1987 г. и др. Аналогичная оговорка, сделанная при ратификации Конвенции ООН о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, была снята только в 2007 г.²⁹

По этим же основаниям Советским Союзом не была ратифицирована Конвенция ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г.³⁰, регламентирующая в том числе вопросы уголовной юрисдикции на борту иностранного судна. И даже позднее, при ее ратификации, в Федеральном законе от 26 февраля 1997 г. № 30-ФЗ³¹ сделана оговорка о том, что Российская Федерация не принимает предусмотренные в указанной Конвенции процедуры, ведущие к обязательным для сторон решениям, в отношении споров, касающихся делимитации морских границ, связанных с историческими заливами или правооснованиями, касающихся военной деятельности, и т.п.

После вступления России в Совет Европы и принятия 23 февраля 1996 г. Федеральных законов № 19-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Уставу Совета Европы»³² и № 20-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Генеральному соглашению о привилегиях и иммунитетах Совета Европы и Протоколам к нему»³³ начался процесс проникновения в российское законодательство норм европейского права в сфере борьбы с преступностью. За короткий промежуток времени был подписан и ратифицирован целый ряд конвенций Совета Европы в указанной

сфере: Конвенция Совета Европы о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (подписана 28.02.1996 г.)³⁴; Европейская конвенция о выдаче от 13 декабря 1957 г. (подписана 03.09.1996 г.)³⁵; Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г. (подписана 03.09.1996 г.)³⁶; Европейская конвенция о передаче судопроизводства по уголовным делам от 15 мая 1972 г. (подписана 23.03.2000 г.)³⁷; Европейская конвенция о пресечении терроризма от 27 января 1977 г. (подписана 31.01.1999 г.)³⁸; Конвенция Совета Европы о передаче осужденных лиц от 21 марта 1983 г. (подписана 07.04.2005 г.)³⁹; Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания от 26 ноября 1987 г. (подписана 07.09.1998 г.)⁴⁰; Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 г. (подписана 17.11.2005 г.)⁴¹; Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма от 16 мая 2005 г. (подписана 03.12.2008 г.)⁴²; Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений от 25 октября 2007 г. (подписана 25.06.2012 г.)⁴³; Конвенция Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями от 18 сентября 2014 г. (подписана 18.09.2014 г.)⁴⁴.

Процесс имплементации занял длительное время, поскольку зачастую требовал не только восприятия правовой наукой и политической властью новых правовых норм, но и их включения в национальное законодательство в рамках законотворческого процесса. Этим, вероятно, можно объяснить то обстоятель-

³⁴ См.: СЗ РФ. 1998. № 20, ст. 2143.

³⁵ См.: Бюллетень международных договоров. 2000. № 9. С. 3–11, 19–28.

³⁶ См.: там же. 2000. № 9. С. 51–59.

³⁷ См.: там же. 2013. № 7. С. 17–43.

³⁸ См.: там же. 2003. № 3. С. 8–13.

³⁹ См.: там же. 2009. № 2. С. 3–10.

⁴⁰ См.: там же. 1998. № 12. С. 3–16.

⁴¹ См.: там же. 2009. № 9. С. 30–57.

⁴² Официально не опубликована.

⁴³ См.: СЗ РФ. 2014. № 7, ст. 632.

⁴⁴ Официально не опубликована.

²⁹ Оговорка снята Федеральным законом от 3 марта 2007 г. № 28-ФЗ.

³⁰ См.: Бюллетень международных договоров. 1998. № 1. С. 3–168.

³¹ См.: Росс. газ. 1997. № 43–44.

³² См.: СЗ РФ. 1996. № 9, ст. 774.

³³ См.: СЗ РФ. 1996. № 9, ст. 775.

ство, что до настоящего времени Российская Федерация не подписала и не присоединилась к ряду значимых международных соглашений в сфере борьбы с преступностью: Конвенции об инсайдерских сделках от 20 апреля 1989 г.⁴⁵; Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников от 4 декабря 1989 г.⁴⁶; Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей от 18 декабря 1990 г.; Конвенции о защите окружающей среды посредством уголовного права от 4 ноября 1998 г.⁴⁷; Конвенции Совета Европы о противодействии торговле людьми от 16 мая 2005 г.⁴⁸; Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений от 20 декабря 2006 г.⁴⁹

Особое место в их числе занимает Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185), заключенная в Будапеште 23 ноября 2001 г. (с изм. от 28.01.2003 г. — Дополнительный протокол к Конвенции по киберпреступлениям в отношении криминализации деяний расистского и ксенофобского характера, осуществляемых при помощи компьютерных систем). Этот международно-правовой акт вне всяких сомнений представляет практический интерес, поскольку содержит нормы, предполагающие изменения в материальном уголовном праве, уголовном процессе; устанавливающие меры, в том числе уголовного наказания, как для физических, так и юридических лиц. Однако Российскую Федерацию категорически не устраивает в этой Конвенции п. (b) ст. 32 о “трансграничном доступе”, допускающий возможность спецслужб одних стран проникать в компьютерные сети других стран и проводить там операции без ведома национальных властей. На протяжении 10 лет российская сторона пыталась убедить европейских коллег исключить это нарушающее государственный суверенитет положение или отредактировать его, но страны-подписанты,

поддерживаемые США, категорически отказываются вносить какие-либо изменения в документ. Логичным шагом для России в этом случае стал отказ от подписания Будапештской конвенции.

Но, вместе с тем, в 2011 г. российской стороной предложен проект конвенции ООН “Об обеспечении международной информационной безопасности”⁵⁰. Суть документа состоит в закреплении на международном уровне ряда понятий: “информационная война”, “информационная безопасность”, “информационное оружие”, “терроризм в информационном пространстве” и др., которые пока фигурируют исключительно в научных и научно-публицистических работах, но не стали категориями международного права. В российском проекте конвенции четко прописаны вопросы сохранения суверенитета государства над его информационным пространством, а также положения, направленные на защиту от “действий в информационном пространстве с целью подрыва политической, экономической и социальной систем другого государства, психологической обработки населения, дестабилизирующей общество”. Работа в этом направлении продолжается при полном понимании того, что противодействие киберпреступности — проблема международного масштаба, а угрозы противоправного применения информационных и телекоммуникационных технологий в виртуальном пространстве уже звучат не парадоксально, носят реальный характер, представляют серьезную опасность.

Так, в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640⁵¹, отмечено, что современный мир характеризуется стремительным ростом уровня, расширением характера и географии таких имеющих трансграничную природу вызовов и угроз, как киберпреступность.

В связи с указанными вызовами и угрозами в России отмечается тенденция активного развития системы документов стратегического

⁴⁵ Официально не опубликована.

⁴⁶ См.: Действующее международное право. Т. 2. М., 1997. С. 812 — 819.

⁴⁷ Официально не опубликована.

⁴⁸ Официально не опубликована.

⁴⁹ Официально не опубликована.

⁵⁰

URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/191666

⁵¹ См.: СЗ РФ. 2016. № 49, ст. 6886.

планирования, которые направлены на борьбу с киберпреступностью. В соответствии с Федеральным законом "О стратегическом планировании в Российской Федерации"⁵², указами Президента РФ утверждены новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации⁵³ и Доктрина информационной безопасности Российской Федерации⁵⁴, а ранее — и Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года⁵⁵.

Вопрос о базовых принципах правового обеспечения информационной безопасности в условиях формирования и развития киберпространства, его трансграничности имеет не только законодательское и научное, но и практическое, прикладное значение. В докладе *The Global Risks Report 2016*⁵⁶, подготовленном по итогам Давосского экономического форума, среди угроз мировой экономике в настоящее время отмечены следующие, связанные с использованием информационных технологий: *critical information infrastructure breakdown* (выход из строя критически важной информационной инфраструктуры), *cyber attacks* (кибератаки), *adverse on sequences of technological advances* (неблагоприятное использование технологических достижений), *data fraud or theft* (кража или мошенничество с данными).

Президент Интерпола Мэн Хунвэйв последние годы неоднократно акцентировал внимание на глобальных изменениях в преступности и терроризме и росте числа "новейших угроз", которые исходят от высоких технологий: "В настоящее время мы живем в мире глобализации, наблюдаем результаты технологической революции и, с одной стороны, пользуемся всеми предоставляемыми преимуществами". С другой — "в будущем будет наблюдаться рост угроз, которые возникают по мере развития высоких технологий,

социальных платформ и прочее", что потребует "объединить усилия", поскольку "ни одно государство самостоятельно не может справиться с подобным злом"⁵⁷. По его данным, в мире ежегодно совершается 170 млн киберпреступлений, ущерб от которых превышает 445 млрд долл. Их раскрываемость составляет лишь "одну тысячную доли"⁵⁸.

Специалисты Сбербанка России утверждают, что потери от атак злоумышленников в информационной сфере в 2018 г. во всем мире могут составить порядка 2 трлн долл.⁵⁹ Согласно результатам анализа в данной сфере, проведенного авторитетным аналитическим ресурсом *Cybersecurity Ventures*, к 2021 г. ущерб от преступлений в сфере информационных технологий может подняться до 6 трлн долл.⁶⁰

Не во всех случаях имплементации были учтены интересы правоприменительных органов Российской Федерации, что существенно снизило практическую эффективность международного сотрудничества. Так, при ратификации Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г. Федеральным законом от 25 октября 1999 г. № 193-ФЗ⁶¹ в качестве "судебных органов" в контексте ст. 24 заявлены лишь "суды и органы прокуратуры", что противоречит Распоряжению Президента РФ от 3 сентября 1996 г. № 458-рп⁶² и препятствует осуществлению сотрудничества с назначенными органами государств — участников Конвенции иным федеральным органам исполнительной власти, в частности Министерству внутренних дел РФ, так как ряд государств отказался принимать к исполнению поручения об оказании правовой помощи именно на этом основании.

Допущенные при ратификации Европейской конвенции неточности возможно устра-

⁵² См.: Росс. газ. 2014. 3 июля.

⁵³ См.: СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II), ст. 212.

⁵⁴ См.: СЗ РФ. 2016. № 50, ст. 7074.

⁵⁵ Утверждены Президентом РФ 24 июля 2013 г. № Пр-1753 (см.: URL: <http://www.scrf.gov.ru/> (по сост. на 24.04.2018)).

⁵⁶ См.: *The Global Risks Report 2016*. 11th Edition. URL: <http://www3.weforum.org/docs/Media/TheGlobalRisksReport2016.pdf> P. 4 (дата обращения: 20.06.2017).

⁵⁷ Об этом он заявил 4 июля 2017 г. на открытии в Сингапуре Международной конференции Интерпола "Инновационное содействие противодействию угрозам безопасности".

⁵⁸ Из выступления на 86-й Генассамблее Интерпола в Пекине (26–29 сентября 2017). Цит. по информации ТАСС: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4384910>

⁵⁹ См.: URL: <http://www.tass.ru/ekonomika/3668896> (дата обращения: 22.06.2018).

⁶⁰ См.: 2016 *Cybercrime Report*. URL: <http://cybersecurityventures.com/hackerpocalypse-cybercrime-report-2016> (дата обращения: 17.06.2018).

⁶¹ См.: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14571>

⁶² См.: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/10015>

нить при подготовке Россией документов к подписанию Второго дополнительного протокола к указанной Конвенции (открыт для подписания 08.11.2002 г.), в котором предусматривается возможность изменения перечня судебных органов для целей настоящей Конвенции (ст. 6). Представляется правильным, что на данном этапе в качестве таких органов помимо Генеральной прокуратуры и Верховного Суда РФ необходимо предусмотреть МВД России.

Присоединению к некоторым международным соглашениям препятствуют существенные различия в национальном и международном законодательстве по некоторым принципиальным вопросам. Так, Европейской конвенцией о надзоре за условно осужденными или условно освобожденными правонарушителями от 30 ноября 1964 г.⁶³ предусматривается возможность покидать правонарушителем территорию государства — участника Конвенции, суд которого признал его виновным и вынес условное наказание или приостановил его исполнение, и определять себе место проживания в другом государстве-участнике под надзором его властей. Это положение противоречит идее условного отбывания наказания по российскому законодательству, заключающейся в ограничении права осужденного менять место жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного. Специфической для национального права нормой Европейской конвенции о международной действительности судебных решений по уголовным делам от 28 мая 1970 г.⁶⁴ является положение, согласно которому государства — участники Конвенции могут передавать лиц, осужденных за совершение преступления, в другое государство не только для отбывания наказания в виде лишения свободы, как это предусмотрено в гл. 55 УПК РФ, но также для взыскания штрафа, конфискации имущества и изъятия прав. Положения Европейской конвенции о контроле за приобретением и хранением огнестрельного

оружия частными лицами от 28 июня 1978 г.⁶⁵ расходятся с требованиями Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ “Об оружии”⁶⁶ в части наделения физических лиц правом реализации огнестрельного оружия.

Особенностью постсоветского, российского этапа развития правовой системы государства, обусловленного высокой активностью международного сотрудничества Российской Федерации в правовой сфере в 90-х годах XX в., стало проникновение в нее не только международно-правовых норм, но и международно-правовых институтов.

Российской Федерацией признается юрисдикция Международного Суда ООН, учрежденного Уставом ООН в 1946 г. для проведения мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживания или разрешения международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира⁶⁷; Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ)⁶⁸; Арбитражного института Торговой палаты Стокгольма (Международный арбитражный суд Стокгольма, или Стокгольмский арбитраж), легитимность решений которого обеспечивается Конвенцией ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 1958 г., к которой СССР присоединился еще в 1960 г. В 2017 г. стороны из 40 различных стран разрешали свои споры в этом Суде. Среди обращений доминируют участники споров из Швеции, России, Германии, Соединенного Королевства, Норвегии и Турции⁶⁹.

Прецедентное влияние решений международных судов на политику государства, учитывающую тенденции международного правопорядка, очевидно. Примером такого судебного решения может быть определение Международного Суда ООН от 15 октября 2008 г., вынесенное в связи с заявлением Гру-

⁶³ См.: Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 197–206.

⁶⁴ См.: Международное частное право: сб. док. М., 1997. С. 764–780.

⁶⁵ См.: Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. С. 140–147.

⁶⁶ См.: Росс. газ. 1996. № 241.

⁶⁷ См.: International Court of Justice. URL: <http://www.icj-cij.org/en>

⁶⁸ См.: European Court of Human Rights. URL: <http://www.echr.coe.int/>

⁶⁹ The Arbitration Institute of the Stockholm Chamber of Commerce (SCC). URL: <http://sccinstitute.com/>

зии об обвинении России в совершении на территории Грузии актов, нарушающих Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.⁷⁰, в котором Международный Суд ООН потребовал от обеих сторон конфликта воздержаться в Южной Осетии и Абхазии от любых актов дискриминации и их поддержки. При этом Суд обязал стороны обеспечить безопасность, права и свободы населения, а также защищать собственность беженцев и перемещенных лиц.

Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ⁷¹ была ратифицирована Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.⁷², предусматривающая судебную защиту на международном уровне прав и основных свобод граждан государств — участников Конвенции, обеспечение соблюдения норм Конвенции, а также выполнение принятыми в члены Совета Европы государствами своих обязательств.

Присоединение к Конвенции имело важное не только правовое, но и политическое значение, поскольку, таким образом, Российская Федерация официально заявила о том, что разделяет такие общепринятые в правовом и социальном государстве стандарты и гуманитарные ценности, как право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, на справедливое судебное разбирательство и эффективные средства правовой защиты, запрет пыток и не установленное законом наказание и др. Став участником Конвенции, Россия также взяла на себя обязательство обеспечить всем лицам, находящимся под ее юрисдикцией, неукоснительное соблюдение предусмотренных в данном международном акте прав и свобод. При этом, несмотря на то что ранее еще Советское государство в полной мере разделяло названные приоритеты, в организационном плане требовалось внесение существенных коррективов как в нормативные правовые акты в указанной сфере, в первую очередь в части процедуры ареста, содержания

под стражей и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, так и в порядок работы государственных органов.

В этой связи в ст. 2 Федерального закона о ратификации Конвенции содержалось прямое указание предусмотреть в федеральном бюджете (начиная с 1998 г.) увеличение расходов на содержание федеральной судебной системы, пенитенциарной системы, органов юстиции, прокуратуры и внутренних дел в целях приведения правоприменительной практики в полное соответствие с обязательствами Российской Федерации, вытекающими из участия в Конвенции.

В контексте данного вопроса примечательна ситуация, сложившаяся с имплементацией норм протокола № 6 к названной Конвенции, предусматривающего отмену смертной казни, подписанного в соответствии с Распоряжением Президента РФ от 27 февраля 1997 г. № 53-рп⁷³. В настоящее время он вступил в силу более чем для 40 государств — членов Совета Европы. Вместе с тем Российской Федерацией протокол не ратифицирован, несмотря на обязательство сделать это не позднее 28 февраля 1999 г. — через три года с момента вступления в Совет Европы. Проект федерального закона № 99077740-2 “О ратификации протокола № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод” (относительно отмены смертной казни от 28.04.1983 г.) был внесен Президентом РФ в августе 1999 г. В пояснительной записке к законопроекту, в частности, указывалось, что отмена смертной казни — не просто требование Совета Европы, а одна из целей проводимой в Российском государстве судебно-правовой реформы. При этом особо подчеркивался временный характер применения смертной казни, вытекающий из положений ст. 20 Конституции РФ, а также Указа Президента РФ от 16 мая 1996 г. № 724 “О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы”⁷⁴, в соответствии с которым палатам Федерального Собрания РФ было рекомендовано обсудить при рассмотрении проекта Уголовного кодекса РФ во-

⁷⁰ См.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXVI. М., 1973. С. 109–118.

⁷¹ См.: Росс. газ. 1998. № 67.

⁷² См.: СЗ РФ. 2001. № 2, ст. 163.

⁷³ См.: СЗ РФ. 1997. № 9, ст. 1092.

⁷⁴ См.: СЗ РФ. 1996. № 21, ст. 2468.

прос о сокращении составов преступлений, за совершение которых может быть назначена смертная казнь.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П⁷⁵ был введен мораторий на вынесение судами приговоров, предусматривающих в качестве наказания смертную казнь, до введения в действие федерального закона, обеспечивающего на всей территории Российской Федерации рассмотрение с участием присяжных заседателей соответствующих уголовных дел. Согласно ст. 6 Федерального закона от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»⁷⁶ введение судов присяжных на всей территории Российской Федерации планировалось завершить к 1 января 2003 г. Однако Федеральным законом от 27 декабря 2002 г. № 181-ФЗ⁷⁷ указанный срок был изменен:

с 1 июля 2002 г. институт присяжных заседателей вводился в Алтайском, Краснодарском и Ставропольском краях, в Ивановской, Московской, Ростовской, Рязанской, Саратовской и Ульяновской областях;

с 1 января 2003 г. — в Республике Адыгея, Республике Алтай, Республике Башкортостан, Республике Бурятия, Республике Дагестан, Республике Ингушетия, Кабардино-Балкарской Республике, Республике Калмыкия, Республике Коми, Республике Марий Эл, Республике Мордовия, Республике Северная Осетия — Алания, Республике Татарстан, Удмуртской Республике, Республике Хакасия, Чувашской Республике — Чувашии, в Красноярском и Приморском краях, в Амурской, Архангельской, Астраханской, Белгородской, Брянской, Владимирской, Волгоградской, Вологодской, Воронежской, Иркутской, Калининградской, Калужской, Камчатской, Кемеровской, Кировской, Курганской, Курской, Ленинградской, Липецкой, Магаданской, Мурманской, Нижегородской, Новосибирской, Омской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Псковской, Самарской, Свердловской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Тюменской, Челябинской, Читинской и Ярославской областях, в

Еврейской автономной области, в Агинском Бурятском, Коми-Пермяцком и Корякском автономных округах;

с 1 июля 2003 г. — в Республике Карелия, Республике Саха (Якутия), Республике Тыва, в Хабаровском крае, в Костромской, Новгородской, Пермской, Сахалинской и Томской областях, в городе федерального значения Москве, в Усть-Ордынском Бурятском, Ханты-Мансийском, Чукотском и Ямало-Ненецком автономных округах;

с 1 января 2004 г. — в Карачаево-Черкесской Республике, в городе федерального значения Санкт-Петербурге, в Ненецком, Таймырском (Долгано-Ненецком) и Эвенкийском автономных округах;

с 1 января 2010 г. — в Чеченской Республике.

Однако Конституционный Суд РФ своим Определением от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р о разьяснении п. 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П по делу о проверке конституционности положений ст. 41 и ч. 3 ст. 42 УПК РСФСР, п. 1 и 2 постановления Верховного Совета РФ от 16 июля 1993 г. «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР «Об административных правонарушениях»⁷⁸ признал невозможность назначения смертной казни. Суд мотивировал это тем, что положения п. 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П в системе действующего правового регулирования, на основе которого в результате длительного моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни и сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого (с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией) про-

⁷⁵ См.: Вестник КС РФ. 1999. № 3.

⁷⁶ См.: СЗ РФ. 2001. № 52, ст. 4924.

⁷⁷ См.: СЗ РФ. 2002. № 52 (ч. 1), ст. 5137.

⁷⁸ См.: URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=94045&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.9699341248031919#08855548870858093>

исходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни как исключительной меры наказания, носящей временный характер (“впредь до её отмены”) и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода, т.е. на реализацию цели, закрепленной ст. 20 (ч. 2) Конституции РФ, означают, что введение суда с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации не открывает возможность применения смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей.

Конституционный Суд РФ также указал, что Российская Федерация связана требованием ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров не предпринимать действий, которые лишили бы подписанный ею протокол № 6 его объекта и цели до тех пор, пока она официально не выразит свое намерение не быть его участником (т.е. пока не будет отозвана подпись под данным документом). Поскольку основным обязательством по протоколу № 6 является полная отмена смертной казни, то в России с 16 апреля 1997 г. (даты подписания протокола) смертная казнь применяться не может, т.е. наказание в виде смертной казни не должно ни назначаться, ни исполняться.

На сегодняшний день на территории Российской Федерации действуют суды присяжных⁷⁹, однако ратификация протокола № 6 не завершена.

Кроме того, остаются нератифицированными протокол № 12⁸⁰ к Конвенции, предусматривающий запрещение законом любой дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или любого иного обстоятельства, а также протокол № 13⁸¹, в

соответствии с которым государства — участники Конвенции обязуются отменить смертную казнь в любых обстоятельствах.

После присоединения к Конвенции о защите прав человека и основных свобод российские граждане получили право на обращение в Европейский Суд по правам человека с жалобой на неправомерные действия государственных органов, нарушающие их гражданские права, вытекающее не только из международных обязательств Российской Федерации, но и из положений Конституции, согласно ст. 46 которой каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

Анализ решений ЕСПЧ, вынесенных по жалобам российских граждан, свидетельствует о том, что данный международный институт активно влияет на уголовную политику Российской Федерации путем признания отдельных правовых норм уголовного и уголовно-процессуального закона противоречащими базовым положениям Конвенции.

Например, Суд неоднократно указывал на то, что тяжесть предъявленного обвинения не должна быть единственным основанием для содержания лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений, под стражей⁸². В решениях также отмечалась необходимость при рассмотрении вопроса о заключении лица под стражу в первую очередь обращать внимание на возможность применения мер пресечения, не связанных с лишением свободы, в частности залога.

В целях корректировки судебной следственной практики с учетом прецедентных решений ЕСПЧ Пленумом Верховного Суда РФ 19 декабря 2013 г. принято постановление № 41 “О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога”⁸³, разъясняющее правовую позицию по данным вопросам.

⁷⁹ В соответствии с Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 91-ФЗ⁷⁹ положения п. 2 ч. 2 ст. 30 УПК РФ об осуществлении судопроизводства судом присяжных применяются на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя с 1 января 2018 г.

⁸⁰ См.: URL: <http://base.garant.ru/2561543/>

⁸¹ См.: URL: <http://base.garant.ru/12130647/>

⁸² См.: Постановление Европейского Суда по правам человека от 1 марта 2007 г. по делу “Белевицкий против Российской Федерации”.

⁸³ См.: Росс. газ. 2013. № 294.

Несмотря на широкую интеграцию правовой системы Российской Федерации с различными международными институтами, важным принципом уголовно-правовой политики России остаются ее суверенитет и верховенство Конституции РФ, суть которого заключается в неприемлемости исполнения правовых решений, не соответствующих конституционным основам государства. Именно такие решения послужили поводом для обращения группы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ в Конституционный Суд РФ с запросом о конституционности положений законодательных актов Российской Федерации в той части, в которой они обязывают органы законодательной, исполнительной и судебной власти к безусловному исполнению постановлений Европейского Суда по правам человека даже в тех случаях, когда они противоречат Конституции РФ.

Из правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П⁸⁴, следует, что положения ст. 4, 15 и 79 Конституции РФ, закрепляющие ее суверенитет, верховенство и высшую юридическую силу, устанавливают приоритет Конституции РФ перед международным договором или решением Европейского Суда, которые подлежат реализации только в рамках правовой системы России при условии признания высшей юридической силы Конституции РФ. Исходя из этого, в том случае, когда решением Европейского Суда, интерпретирующим положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, неправомерно затрагиваются принципы и нормы Основного закона государства, оно вправе отступить от выполнения возложенных на него таким решением обязательств.

Как отметил в своем решении Конституционный Суд РФ, отступление от содержащихся в решениях ЕСПЧ толкований Конвенции имеет место также в практике европейских государств — участников Конвенции при выявлении ими конвенционно-конституционных коллизий (например, постановление Конституционного суда Федеративной Республики Германии от 14.10.2004 г.

по делу № 2BvR 1481/04, постановления Конституционного суда Итальянской Республики от 19.11.2012 г. по делу № 264/2012 и от 22.10.2014 г. по делу № 238/2014, постановление Конституционного суда Австрийской Республики от 14.10.1987 г. по делу № B267/86, решение Верховного суда Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии от 16.10.2013 г.).

Во исполнение указанного постановления Конституционного Суда РФ был выработан правовой механизм разрешения вопроса о возможности исполнения постановлений ЕСПЧ, в соответствии с которым такое решение может быть принято исключительно Конституционным Судом РФ по запросу федерального органа исполнительной власти, наделенного компетенцией по защите интересов Российской Федерации при рассмотрении жалоб, поданных против России в Европейский Суд по правам человека⁸⁵.

Глобализация порождает не только массовые коммуникации и контакты в экономике, политике, праве, транснациональной преступности, но и может придавать агрессивный, захватнический характер отношениям. Отдельные суверенные государства с готовностью подчиняют свою внутреннюю политику международным соглашениям и наднациональным институтам, не задумываясь о том, что международное регулирование может серьезно исказить как конституционную систему, так и придать негодное направление криминализации и декриминализации правонарушений и борьбе с преступностью.

Другие заинтересованные государства активно разрабатывают свои концепции национальной конституционной идентичности, пробуя реализовывать их в рамках различных национальных и международных политико-правовых институтов.

Так, в 1998 г. был учрежден Международный уголовный суд⁸⁶. Этот Суд обладает международной право-

⁸⁴ См.: СЗ РФ. 2015. № 30, ст. 4658.

⁸⁵ См.: Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О Конституционном Суде Российской Федерации” // Росс. газ. 2015. № 284).

⁸⁶ См.: International Criminal Court. URL: <http://www.icc-cpi.int/>

субъектностью, а его юрисдикция ограничивается самыми серьезными преступлениями, вызывающими озабоченность всего международного сообщества: а) преступление геноцида; б) преступления против человечности; в) военные преступления; г) преступление агрессии⁸⁷. Поскольку Суд уполномочен привлекать американских солдат к уголовной ответственности в Голландии (по месту нахождения) за предполагаемые военные преступления и преступления против человечности, США отказались судить американцев вне американских судов. Принципиально возражают против участия в Суде Китай, Индия, Иран, Израиль. На основании предложения Минюста России, согласованного с МИД России и другими заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, с Верховным Судом РФ, Генеральной прокуратурой и Следственным комитетом РФ, 16 ноября 2016 г. Президентом РФ было принято решение о направлении Генеральному секретарю ООН уведомления о намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда, принятого Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН в г. Риме 17 июля 1998 г. и подписанного от имени Российской Федерации 13 сентября 2000 г.⁸⁸ Причиной отказа в ратификации является противоречие отдельных норм Статута как Конституции РФ, так и международно-правовым документам, в частности положениям Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов⁸⁹, принятой резолюцией 3166 (XXVIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1973 г.

Таким образом, более половины населения планеты выразили свое несогласие с юрисдикцией этого Суда. Причем, интересно, что схожую позицию заняли государства, проводящие диаметрально различную, а зачастую и антагонистическую внешнюю политику по отношению друг к другу.

Вместе с тем США целенаправленно реализуют на практике теорию “обычного международного права”, провозглашающую приоритет международных норм и практик, имеющих широкое применение, над национальными закона-

ми. И делают это с присущим им игнорированием правовых систем других государств и абсолютной экстерриториальностью. Начало такой практике было положено знаковым решением апелляционного суда второй инстанции, вынесенным в 1980 г. по делу *Filártiga v. Пенья-Irala*, 630 Ф. в 2D 876 (2D cir. 1980), в основу которого был положен Статут 1789 г. “О деликте иностранцев” (28 U. S. C. § 1350; ATS), также называемый Законом “О деликтных исках иностранцев” (ATCA), являющийся разделом Кодекса Соединенных Штатов⁹⁰. Оно создало прецедент для федеральных судов Соединенных Штатов в отношении наказания неамериканских граждан за противоправные деяния, совершенные за пределами Соединенных Штатов, которые нарушают международное публичное право (право наций) или любые договоры, участником которых являются Соединенные Штаты. В частности, Суд постановил, что парагвайские граждане, проживающие в США, вправе подавать в американские суды иски против парагвайских должностных лиц, которых обвиняли в убийстве парагвайца на территории Парагвая⁹¹. Таким образом, юрисдикция судов Соединенных Штатов начала свое распространение на деликтные деяния, совершенные во всем мире, насаждая правовые гегемонизм и экспансию над другими государствами для установления монополярного правового порядка.

Проявления такой международной политики поддержано их ближайшим союзником Великобританией, что может свидетельствовать о навязывании правового менталитета англосаксонской цивилизации, выраженного не только в нормах национального законодательства, но и в правовых подходах, принципах права, продвигаемых не только юридическим сообществом этих государств и их сателлитов, но и Государственным департаментом США с опорой на политику “мягкой силы”.

В настоящее время уголовно-правовая юрисдикция США и Великобритании распространяется на граждан и юридических лиц других государств на территории третьих

⁸⁷ См.: URL: [http://www.un.org/ru/law-icc/rome_statute\(r\)](http://www.un.org/ru/law-icc/rome_statute(r))

⁸⁸ См.: Распоряжение Президента РФ от 16 ноября 2016 г. № 361-рп “О намерении Российской Федерации не стать участником Римского статута Международного уголовного суда” // Информационно-правовой портал. Гарант. РУ.

⁸⁹ См.: URL: http://www.un.org/ru/documents-decl_conv/conventions/int_protected_persons

⁹⁰ См.: URL: <http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title28-section1350&num=0&edition=prelim>

⁹¹ См.: URL: <http://openjurist.org/630/f2d/876/filartiga-v-pena-irala>

стран. Так, например, парламентом Великобритании 8 апреля 2010 г. принят Закон о подкупе (*United Kingdom Bribery Act*⁹²), содержащий интернациональный подход в борьбе с коррупцией и имеющий экстерриториальное юридическое действие. В частности, его положения распространяются на действия британских физических и юридических лиц, как на официальных государственных служащих, так и должностных лиц частных компаний, а также на все иностранные компании, имеющие деловые интересы в Великобритании. Подобное законодательство на сегодняшний день действует и в США (Закон о коррупции за рубежом) (*Foreign Corrupt Practices Act*⁹³).

Правовые подходы подобного рода неизбежно порождают небезупречную юридическую практику. Неоднократно американская сторона, игнорируя Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам (подписан в г. Москве 17.06.1999 г.)⁹⁴, фактически захватывала на территории третьих стран российских граждан, не только не информируя о претензиях, предъявляемых к ним, компетентные органы, но даже не уведомляя об их задержании консульские учреждения России.

В мае 2010 г. российский летчик Константин Ярошенко был задержан в Либерии и экстрадирован в США. 7 сентября 2011 г. суд приговорил его к 20 годам лишения свободы.

6 марта 2008 г. российский бизнесмен Виктор Бут был арестован в отеле Бангкока (Таиланд). Арест был произведен при участии спецподразделения полиции Таиланда и представителей США, в том числе сотрудников агентства по борьбе с наркотиками. 6 апреля 2012 г. Федеральный суд Нью-Йорка приговорил его к 25 годам тюремного заключения.

Несмотря на неоднократные обращения российской стороны к властям США по поводу сомнительных обвинений в адрес названных граждан Российской Федерации, а также передачи их для отбывания наказания на территорию России, решений по существу

до настоящего времени не принято.

Романа Селезнева арестовали 5 июля 2014 г. в международном аэропорту Мальдив. В тот же день агентами американской секретной службы он принудительно был доставлен на остров Гуам.

В то же время, руководствуясь политикой “двойных стандартов”, США и их ближайший партнер Великобритания раз за разом отказывают в экстрадиции в Россию гораздо более опасных уголовных преступников.

В 2003 г. британский суд прекратил дело об экстрадиции в Россию Юлия Дубова — бывшего генерального директора компании “Лого-ВАЗ”, партнера Бориса Березовского в связи с предоставлением ему политического убежища.

13 ноября 2003 г. Лондонский магистратский суд отказал России в выдаче эmissара чеченских сепаратистов Ахмеда Закаева. Российская Генпрокуратура выдвинула против Закаева серию обвинений по 11 статьям УК РФ, среди которых “убийство”, “терроризм”, “похищение людей” и “участие в вооруженном мятеже”. В тот же год Закаев получил в Великобритании политическое убежище.

В марте 2005 г. лондонский суд решил не выдавать двух бывших топ-менеджеров ЮКОСа — Наталию Чернышеву и Дмитрия Маруева, которых в России подозревали в мошенничестве и финансовых махинациях. В декабре 2005 г. такое же решение было вынесено по запросу о выдаче вице-президента и заместителя председателя правления ЮКОСа Александра Темерко.

В ноябре 2013 г. Великобритания отказала в выдаче основателя фонда Hermitage Capital Уильяма Браудера российским властям. В том же году он был признан виновным и заочно приговорен к девяти годам тюрьмы по “делу Магнитского”. 29 декабря 2017 г. Браудер был вновь заочно приговорен к девяти годам колонии общего режима и штрафу в 200 тыс. руб.

Перечень подобных злоупотреблений правом можно было бы продолжить.

Еще одним способом использования международных правовых институтов для формирования недобросовестных правовых позиций является инициатива обращения с исковыми требованиями в посреднические международные

⁹² См.: URL: <http://www.legislation.gov.uk>

⁹³ См.: URL: <http://www.justice.gov>

⁹⁴ См.: URL: <http://base.garant.ru/2560434/>

организации, не являющиеся судом в его буквальном понимании.

Так, важным решением, которое напрямую касалось ряда принятых правоохранительными органами Российской Федерации решений в уголовно-правовой сфере, стало определение Постоянной палаты Третейского суда⁹⁵ по иску бывших акционеров ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» – компаний “Hulley Enterprises Limited” (Кипр), “Yukos Universal Limited” (остров Мэн) и “Veteran Petroleum Limited” (Кипр) к России от 18 июля 2014 г.⁹⁶ Разбирательством установлено, что, несмотря на то что ЮКОС злоупотреблял “налоговыми гаванями” (*tax havens*), действия России по отношению к нему были несоразмерными, в связи с чем Суд возложил на государство обязанность уплатить истцам соответствующую компенсацию, а также арбитражные расходы. При этом в силу того, что Российская Федерация является участницей Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных

решений 1958 г.⁹⁷, в случае неисполнения в добровольном порядке решения оно подлежало принудительному исполнению путем обращения его на имущество России, не используемое при осуществлении государственных функций.

20 апреля 2016 г. окружной суд Гааги отменил указанное определение Постоянной палаты Третейского суда⁹⁸, поскольку рассмотрение данного дела не входило в юрисдикцию членов арбитража.

Таким образом, несмотря на то что в рамках реализации уголовно-правовой политики государства значительная роль отводится институту имплементации международных норм и решений международных правовых институтов в действующее законодательство, основным безусловным принципом реализации данных мер является сохранение единой целостной системы национального права, основанной на провозглашенных в Конституции РФ базовых положениях.

⁹⁵ См.: Permanent Court of Arbitration, PCA. URL: <https://pca-cpa.org/ru/home/>

⁹⁶ См.: URL: http://www.pca-cpa.org/show-page8d50.html?pag_id=1599

⁹⁷ См.: Вестник ВАС РФ. 1993. № 8.

⁹⁸ См.: URL: <http://www.rechtspraak.nl/Organisatie-en-contact/Organisatie/Rechtbanken/Rechtbank-Den-Haag/Nieuws/Paginas/Arbitrale-vonnissen-over-miljardenclaim-tegen-Rusland-vernietigd.aspx>

THE IMPACT OF INTERNATIONAL LEGAL NORMS AND LEGAL INSTITUTIONS IN CRIMINAL LAW POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

© 2018 A. N. Savenkov

The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: director@igpran.ru

Received 06.08.2018

The article examines the issues of formation of the criminal policy of the Russian state in the context of the international legal framework to combat crime in the second half of XIX - early XX centuries. Given the legal analysis of the implementation in the Russian legislation norms of the international conventions and international legal institutions in the field of protection of human rights and fundamental freedoms. It is noted that, despite the wide integration of the legal system of the Russian Federation with various international institutions, an important principle of Russia's criminal law policy remains its sovereignty and the supremacy of the Russian Constitution, the essence of which is the inadmissibility of the execution of legal decisions that do not comply with the constitutional foundations of the state.

Key words: criminal policy, combating crime, international cooperation, implementation, international conventions, law enforcement, constitutional principles.